

Л. Е. Бляхер

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЙ БИЗНЕС В ОЧЕНЬ БОЛЬШОМ ГОСУДАРСТВЕ, ИЛИ НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ, КОГДА НАДЕЯТЬСЯ НЕ НА ЧТО¹

Ключевые слова: государство, неформальная экономика, распределение, государственная услуга, общее благо

¹ Эмпирическая часть исследования выполнена при содействии Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» в рамках работы над проектом «Предприниматели Дальнего Востока: стратегии выживания в условиях кризиса» (грант № 2015 007).

² Гоббс 1991.

³ См. Блауг 1994.

⁴ Олсон 2006.

Представление о государстве как об особом общественном механизме, производящем крайне важный социальный продукт — порядок, является уже трюизмом, самоочевидностью. При этом идея производства общественных благ и социального порядка, идущая еще от Томаса Гоббса², все заметнее оттесняет в отечественных политологических штудиях восходящую к Карлу Марксу мысль о том, что государство (любое) — это «вооруженные отряды людей»³ или, в терминологии Мансура Олсона, «бандит», пусть и стационарный⁴, и в качестве такового оно должно извлекать доход, достаточный для поддержания своего существования и организации нового цикла производства-изъятия. По сути, государство выступает высшим хищником, завершающим пищевую цепочку на данной территории.

Очевидно, что изъятие осуществляется прежде всего там, где изъять можно больше и с меньшими затратами. А общественные блага ориентированы главным образом на тех, кто производит продукт, часть которого можно экспроприировать. От объема этого продукта, легкости/трудности его отчуждения, а также от готовности производителя делиться со «стационарным бандитом» результатами своего труда во многом зависит как сама структура государства, так и специфика его поведения внутри и вовне. Исходя из возможностей и условий изъятия высший хищник и выстраивает пищевую цепочку (социальную иерархию) на своей территории.

Все, что находится на охотничьей территории высшего хищника («стационарного бандита»), делится на производителей продукта (пищу), врагов, способных воспрепятствовать изъятию, и нейтральную среду (не пища и не враг).

В среде, не представляющей особого интереса для «стационарного бандита» ни с точки зрения возможностей изъятия, ни в качестве угрозы его «промыслу», и складывается феномен, известный как неформальная экономика. Хозяйственная деятельность этого типа существует не столько в конфликте с законом, сколько в тех «порах», пробелах и лакунах, которые имеются в законе. Будучи укоренена в повседневных

рутинных практиках людей, она не фиксируется стандартной отчетностью. Однако бывают ситуации, когда именно неформальная экономика становится ведущей партией в хоре, частично сохраняя свое основное свойство — невидимость⁵. Проследить взаимосвязь между местом и спецификой неформальной экономики в российском обществе и особенностями поведения высшего хищника — государства я и попытаюсь в настоящей работе⁶.

В 1990-е годы, да и в начале текущего столетия неформальная экономика и ее воздействие на самые разные стороны человеческой жизни, включая политическую сферу, были если не основной, то одной из основных тем рефлексии относительно российского общества⁷. Неформальные, не закрепленные в законе или ином правовом акте отношения не просто играли в тот период огромную роль. Именно они определяли реальность — от структуры повседневности до принятия политических решений. Отсюда — стремление осмыслить и построить модель именно этой (неформальной) части реальности. Истоки ее доминирования в тот период достаточно очевидны. Вплоть до конца 1990-х годов правовая система России «не видела» новых хозяйственных практик, а значит, не могла их регулировать. Иначе говоря, они были, так сказать, вынужденно неформальными. Традиционные же сферы хозяйства, захваченные «красными директорами» или «комсомольским активом», оказались в кризисе. Сам факт, что кризис начала 1990-х не привел ни к массовому голоду, ни к социальным потрясениям, и свидетельствовал о значимости для страны неформальной экономики.

Начиная с работ Татьяны Заславской⁸, исследователи пытались проникнуть в специфику российского способа организации общества, постичь структурирующие его механизмы. Опорой здесь и была модель общества «за пределами статистики». При этом между исследованиями неформальности и ее восприятием публикой возникал качественный разрыв (коммуникативный сбой). Все предельно разные проявления неформальности осмыслялись массовой аудиторией (да и властью — во всяком случае, федеральной) в терминах коррупции и криминала⁹. Впрочем, к этому типу описания склонялось не только общественное мнение, но и значительная часть исследователей, прежде всего политологов и правоведов¹⁰. Редкие работы, где оспаривался подобный подход, даже если они адресовались «широкому кругу читателей»¹¹, оставались достоянием группы обществоведов, численность которой в XXI столетии резко пошла на убыль.

Не то чтобы неформальности вдруг стало существенно меньше, а исследовать ее — менее интересно. Но если еще на рубеже веков фиксировался процесс легализации неформальности¹², то уже в начале столетия на передний план вышла иная тенденция. Неформальность — это не «другая норма», которую желательно согласовать с формальной структурой, а нечто принципиально порочное, с чем следует бороться, что следует уничтожать, ибо именно она препятствует «нормальной организации власти и управления»¹³. Другими словами, изменилось само

⁵ Подробнее см. Бляхер 2014.

⁶ Эмпирическим основанием исследования выступает коллекция бизнес-биографий, собранная мною в 1998—2015 гг. в крупных городах Дальнего Востока России (136 интервью).

⁷ Шанин (ред.) 1999; Бляхер (ред.) 2000; Барсукова 2004.

⁸ Заславская, Рыбкина 1991.

⁹ См. Россия 1998.

¹⁰ См., напр. Шабалин 1994; Астафьев 1996; Ожиганов 1999.

¹¹ Панях 2008.

¹² Радаев 2003.

¹³ Подробнее см. Бляхер, Пегин 2012.

отношение к неформальности и неформальной экономике, первая из которых была осмыслена не как нейтральность, а как враг, вторая — как преступление. Причины того, что один из двух способов описания реальности внезапно превратился если не в единственный, то в господствующий, кроются в изменении структуры «кормовой базы» государства¹⁴, то есть экономической основы, определяющей принципы его функционирования, способы выстраивания отношений власти и общества. Эти отношения стоит рассмотреть подробнее.

¹⁴ Шульман 2013.

**«Кормовая база»
и поведение
«стационарного
бандита»**

Вследствие своей повышенной экспрессивности, метафоричности и т.д. термин «кормовая база» применительно к государству пока используется главным образом в публицистике. Между тем он вполне эвристичен. Государство — весьма дорогостоящий инструмент, причем стоимость этого инструмента в значительной степени определяет он сам. Ведь «вооруженные отряды людей» потому и смогли узурпировать право на легитимное насилие¹⁵, что они представляли собой самого сильного «бандита», обладавшего неоспоримым преимуществом в сфере осуществления насилия. Пределом для назначения государством собственной цены и выступают возможности общества, его готовность отдавать или сопротивляться изъятию. Но изъятие тоже довольно затратное предприятие. Оно требует усилий, причем различных (контроль, принуждение, силовое воздействие и т.д.). Чем больше усилий надо прилагать, тем дороже стоят инструменты изъятия, а значит, и само государство и те блага, которые оно производит. На каком-то этапе слишком дорогое государство просто пожирает общество и... погибает вместе с ним (или без него, если общество успевает создать другое государство). Более того, производимые им общие блага, еще вчера крайне востребованные, вдруг оказываются залежалым товаром, поскольку общество уже не может платить предлагаемую цену. Да и качество услуги (общего блага) заметно снижается.

¹⁵ См. Маркс 1960: гл. 24.

¹⁶ См. Гайдар (ред.) 2003.

Хозяйство 1990-х годов было разным и сложным¹⁶, как, впрочем, и сам период, ассоциирующийся сегодня почти исключительно с силовыми операторами в малиновых пиджаках. В каких-то областях основной хозяйства оставался «советский трофей», достаточно быстро монополизированный новыми людьми в ходе приватизации и залоговых аукционов¹⁷. Этот бизнес, собственно говоря, и кормил государство. Но кормил не особенно щедро. Во-первых, на то были объективные причины: разрыв хозяйственных связей после распада СССР и социал-герия, относительно низкие цены на сырье, отсутствие навыков управления без идеологического и силового поощрения и т.д. Во-вторых, что немаловажно, не были выработаны механизмы изъятия, соответственно, уменьшились и его объемы. Пища была, но проходила мимо хищника. По существу, до второй половины 1990-х годов формальное право в новой России просто «не знало» об изменении типа хозяйствования. Именно потому и возник импульс к созданию некоего варианта

¹⁷ Бляхер, Огурцова 2006.

«обычного права», регулирующего отношения между государством, наспех составленным из обломков государственной машины СССР и мечтаний части интеллигенции о цивилизованной стране, и бизнесом, который должен его кормить. Но если центральный аппарат мог рассчитывать на долю в доходах общероссийских компаний, то региональным властям, на которые неожиданно обрушился «парад суверенитетов» со всей сопутствующей ему массой проблем, на внимание этих компаний надеяться не приходилось.

¹⁸ Bliakher 2013.

Эта часть государства в лице его региональных представителей¹⁸ была вынуждена обратить свой взор на малый и средний бизнес, сформировавшийся к середине 1990-х годов за рамками «советского трофея». В первой половине 1990-х подобные хозяйствующие субъекты были слишком незначительны для организации систематического изъятия со стороны государства. Да и им самим вполне хватало других силовых операторов (бандитов)¹⁹.

¹⁹ См. Волков 2012.

В тот период очень маленький и слабый региональный бизнес вполне отвечал представлениям о неформальной экономике. За редким исключением он был вполне локальным, реализовывал трансакции в кругу друзей и знакомых и потому не особенно нуждался во внешнем регуляторе. Уважаемые люди или, в крайнем случае, местные силовые операторы вполне эффективно решали возникавшие споры и конфликты, обеспечивали выполнение договоров. Другой вопрос, что сама «деловая среда» того времени была, по меньшей мере на Дальнем Востоке России, почти тотальной. Чуть ли не каждый житель в той или иной форме участвовал в предпринимательской деятельности.

Ко второй половине 1990-х годов новые хозяйствующие субъекты превратились в достаточно доходные предприятия, нуждавшиеся в услугах более сложного регулятора — государства. Из почти тотальной предпринимательской среды начала 1990-х с ее челночным движением, «толчками» у остановок и станций метро, видеосалонами с боевиками и порнографией, ларьками, торгующими всем и вся, и т.д. постепенно выделились относительно крупные структуры. Они приватизировали то, чем «побрезговали» гиганты: рыболовецкие корабли и лесные деляны, лесопилки и кинотеатры, цеха разорвавшихся заводов, склады и гаражи. Они активно развивали связи между территориями. Тут-то и возникла потребность в обслуживании за пределами локального сообщества и определенной легализации (в частности, для контактов с иностранцами). Ни первого, ни второго криминал дать не мог: он сам был локальным²⁰ и нелегальным. Зато вполне могли «региональные бароны».

²⁰ Все попытки криминальных операторов выйти за рамки предельно ограниченной территории легко гасились местными силовыми операторами. Подробнее см. Бляхер 2010.

В результате сформировалась принципиально отличная от советской модель государственного управления, в значительной степени соответствовавшая модели «стационарного бандита» Олсона. Государство — на региональном уровне — не столько изымало ресурсы (хотя эта функция сохранилась), сколько продавало услуги по производству порядка, обеспечивая регулярность и безопасность экономиче-

ских трансакций, возврат долгов, более или менее единые и понятные правила игры на контролируемой территории. Наличие конкурирующих силовых операторов (криминальных структур) вкупе с практиками ухода от налогов ставило весьма жесткий предел изъятию (цене услуги). Чтобы вытеснить криминал, государственные (губернаторские) услуги должны были быть качественнее и дешевле. При этом в систему распределения включалось и население. В условиях, когда основным источником легитимности региональной власти являлись прямые выборы, новый «стационарный бандит» был вынужден проводить достаточно активную социальную политику, поддерживая за счет изымаемого продукта предприятия социальной сферы. По сути, речь шла о покупке силовым оператором лояльности нейтральной части своих охотничьих угодий, с тем чтобы та не стала опасной, не усилила потенциального врага. Впрочем, на тот момент эта покупка вполне уравнивалась продажей услуги по производству порядка: эту услугу оплачивал не только бизнес, но и население, важной формой активности которого оставалось самообеспечение. Как показывают исследования группы под руководством Симона Кордонского и Юрия Плюснина, данная форма активности не исчезла даже к концу «нулевых» годов, во всяком случае в провинциальных городах²¹.

²¹ Кордонский, Плюснин и др. 2011.

В игре участвовала и федеральная власть. Во-первых, именно на этом уровне осуществлялось обслуживание общероссийских предприятий, созданных на базе «советского трофея». Соответственно, именно там они и приобретали услуги. Во-вторых, легитимация «региональных баронов» зависела не только от населения. После президентского указа № 1617 от 6 октября 1993 г. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» не менее важным легитиматором их власти оказался федеральный центр. Даже если центр не мог сместить строптивного губернатора, он мог создать ему серьезные проблемы. В силу этого в направлении центра тоже шли отчисления. Не самые большие, пропорциональные той роли, которую он играл в экономике страны. От него скорее откупались, чем приобретали те или иные услуги. Причем откупались не только деньгами. Практически у каждого региона имелся набор аргументов, объясняющих, почему федеральному центру лучше не вмешиваться в его жизнь²².

²² Подробнее см. Бляхер 2004.

Поскольку сырьевой сектор в тот период отнюдь не определял собой «кормовую базу» государства, центральные власти довольствовались этими «долями», дополнив те права, которые были переданы «региональным баронам» в ходе «парада суверенитетов», обязанностью осуществлять социальную политику на своих территориях. Но чтобы продавать услуги еще в значительной степени неформальной экономике, самому оператору следовало быть отчасти неформальным²³. Ведь на основе формального права тогда невозможно было ни предложить услугу, ни ее оплатить. Так неформальная экономика, даже стремившаяся к институционализации, порождала специфическое неформальное

²³ См. Рывкина 2000.

государство. Впрочем, эта неформальная власть обладала всеми возможностями со временем стать легальной.

Таким образом, основу «кормовой базы» государства того периода составляли региональные экономики, контролируемые губернаторами, и их отчисления центру. Зависимость федеральных структур от этих отчислений и диктовала наличие сложной системы неформальных договоренностей центра с крупным бизнесом и губернаторским корпусом. Сама неформальность тоже слоилась. На неформальной основе (с последующей легализацией принятых решений) строились отношения между центральной властью и крупным (общероссийским) бизнесом. Правда, по мере стабилизации положения новых владельцев в их среде началось движение в сторону легализации. Постепенно данное движение охватило и средний бизнес общероссийского уровня (торговые сети, логистические и внешнеторговые предприятия). Этот процесс достаточно подробно рассмотрен Вадимом Радаевым в статье «Таможня дает добро? Российский бизнес на пути к легализации»²⁴.

²⁴ Радаев 2003.

На столь же неформальных основаниях строились отношения и в пространстве среднего бизнеса регионального уровня. Причем легальность здесь была довольно своеобразной. Я уже описывал эту ситуацию в своих прошлых работах²⁵, однако для сохранения логики воспроизведу здесь ряд ключевых положений.

²⁵ См. Бляхер 2012;
Бляхер, Пегин
2012.

Во второй половине 1990-х годов главными операторами, оказывавшими услуги по производству порядка, стали «региональные бароны», то есть губернаторский уровень власти. Цена услуги складывалась из дохода чиновника (взятка, откат) и его издержек при ее производстве. В издержки входили подношения вышестоящему начальнику, легитимировавшему сам акт приватизации государственного ресурса, и покупка услуг сопряженных силовых (административных) операторов. Ограничителем цены услуги выступал платежеспособный спрос. При изъятии «в два горла» экономический агент уходил в тень, под крыло криминальных операторов, менял территорию, прекращал экономическую деятельность. Так, в первые годы губернаторства Сергея Дарькина, когда в Приморье резко выросли цены на административные услуги, чуть ли не четверть всех зарегистрированных во Владивостоке фирм сменили место прописки.

Сам рынок административных услуг имел достаточно сложное иерархическое устройство. В период «парада суверенитетов» подавляющее большинство разрешительных функций отошло к региональной власти. Функцию основного легитиматора хозяйственной жизни территории выполнял губернатор. Именно он был верховным «разрешителем» и для силовых операторов, и для экономических агентов. На низовом же уровне, уровне локальных сообществ, «красные» (милиейские) крыши продолжали отчасти конкурировать с криминальными. Но последние в итоге либо срослись с властью, либо были вытеснены из бизнеса, причем вытеснены экономическими методами. Показательно, что в 1990-е годы на всем Дальнем Востоке по статьям, связанным с ор-

ганизованной преступностью, было возбуждено менее десяти уголовных дел. Делалось все проще: создавался своего рода «губернаторский картель», доступ в который регулировался региональной властью. Предприятия, допущенные в него, получали серьезные преференции, так что все остальные автоматически оказывались менее рентабельными и выдавливались с рынка. Вслед за ними уходили и их криминальные крыши, лишившиеся «кормовой базы». Но поскольку сам губернатор был легален и легитимен, в той или иной степени легальными оказывались и участники «губернаторского картеля». Определенный уровень легальности обретали и неформальные практики предоставления и оплаты услуги. Конечно, сохранялись и чисто криминальные сферы бизнеса, но их значимость в хозяйственной жизни общества становилась все меньше.

Наконец, самый мелкий бизнес, не связанный с международной торговлей и не особенно интересный государству ни на федеральном, ни на региональном уровне, так и оставался теневым. Он существовал не столько под прикрытием власти какого-то уровня или криминала, сколько между ними. Насколько этот бизнес был значим в процентах ВВП, оценить не берусь. Нет материала, да и сообразить, какой материал может показать этот процент, довольно сложно. Но гигантская роль этого малого бизнеса в сохранении социальной ткани общества не вызывает сомнений. Ведь он строится на использовании социальных сетей, на поддержании постоянных дружеских и родственных контактов²⁶. Соответственно, с ним социальная ткань общества становится крепче. Для многих районов, не попавших в состав мегаполиса или столичного города, именно этот бизнес, ориентированный на потребности небольшого внутреннего рынка (маленькие мастерские, частные подворья, неофициальные или полуофициальные торговые точки, распределенные мануфактуры и т.д.), оказался основой выживания. Подробнее на этом бизнесе я остановлюсь чуть позже. Пока же отмечу, что его функционирование в минимальной степени связано с государством, от которого этот бизнес старательно дистанцируется. Понятно, что использование сетевых механизмов в 1990-е годы присутствовало повсеместно, но только на низовом уровне оно составляло основу хозяйственного взаимодействия и залог его успешности.

Эта вполне сложившаяся система обеспечивала необходимый ей минимум государства. Она подталкивала «стационарного бандита» к тому, чтобы не просто изымать продукт, но оказывать услуги, за которые бизнес — и не только бизнес — был готов платить. Конечно, часть этих услуг носила форму «предложения, от которого нельзя отказаться», однако в тот период это было скорее исключением. «Кормовую базу», основанную на в большей или меньшей степени неформальных взаимодействиях, государство в лице региональной власти отнюдь не собиралось уничтожать. Но постепенно начала меняться сама структура этой базы. Возникла сфера, где изымать было гораздо проще, а объем изымаемого продукта — намного больше.

²⁶ См. Бляхер (ред.) 2000.

В результате изменения налоговой политики в отношении экспортеров и, главное, резкого взлета цен на сырье в руках центральной власти оказался сосредоточен ресурс, который к середине первого десятилетия текущего века многократно превысил ресурс региональных властей. После перехода крупнейших экспортных потоков под контроль государственных монополистов этот ресурс еще больше возрос. Ведь передача таких потоков в руки «правильных собственников» объяснялась именно тем, что эти собственники были согласны платить. Объем этого ресурса был настолько велик, что позволял поддерживать государство, полностью отказавшись от экономических систем «региональных баронов» (отчасти неформальных и фактически неподконтрольных центру).

Не нуждаясь в региональных системах как источнике «кормовой базы», федеральный центр начал на них политическое наступление. Набор полномочий региональной власти заметно сократился, по сути сводясь к перераспределению средств, все более щедро поступающих из федерального бюджета²⁷. Лишившись регионального «обслуживания» и не имея возможности приобретать услуги в центре, местное производство либо вытеснялось с рынка, либо вливалось в вертикально организованные структуры, переключаясь на обслуживание бюджета. Все это происходило под флагом борьбы с коррупцией и наведения порядка и сопровождалось непрерывно возрастающей активностью государства в сфере социальной политики, а потому встречало достаточно широкую поддержку со стороны населения. То, что все больше регионов, в 1990-е годы обходившихся собственными силами, переходит в разряд «реципиентов», в тот момент мало кого беспокоило. Точнее, те, кого это беспокоило, и выводились из игры.

Для понимания причин относительно гладкого протекания этих процессов важно и то, что подавляющему большинству вытесненных игроков удалось найти себе «теплые места» в новой структуре. В отличие от стандартной ситуации, когда новая власть просто уничтожает, если не физически, то политически, своих предшественников, элита 1990-х годов, во всяком случае в первое десятилетие функционирования нового режима, уничтожалась скорее точечно. Большая часть представителей губернаторского корпуса, общероссийской экономической и политической элиты 1990-х годов получила вполне ощутимые отступные в виде должностей, фондов или институтов. «Кормовая база» нового периода позволяла купить и элиту, и население. Таким образом, новый тип «кормовой базы», внешний ресурс, многократно превосходивший внутренний, радикально изменили поведение власти и ее взаимоотношения с обществом. Власть, продающая услуги, превратилась во власть, покупающую лояльность, распределяющую блага в зависимости от степени лояльности. Заслуживает внимания и тот факт, что наступление шло главным образом на «губернаторскую» экономику. Экономика выживания, сложившаяся в средних городах и более мелких поселениях, особого давления не испытывала. Она интересовала, да и то

²⁷ См. Бессонова 2006.

не слишком, лишь местную власть или местных бандитов. Но именно потому, что те были местными, возникавшие проблемы легко решались. Иначе обстояло дело с предприятиями легальной экономики, видимой для высшего хищника. Он все жестче монополизировал доступ к собственной «кормовой базе» и праву распоряжаться доходами от нее.

Но монополизация доступа к рентной «кормовой базе» (не услуги и оплата таковых, а именно изъятие) предполагала существенное возрастание контроля. Ведь для сохранения «кормовой базы» необходимо жестко контролировать ее источники и обладать серьезными инструментами воздействия на желающих отхватить от нее кусок. А поскольку контролеров и силовой аппарат нужно оплачивать, дороже стало стоять и само государство. Для покрытия расходов на покупку лояльности населения и элит, увеличение репрессивного аппарата, усложнение и расширение системы контроля требовались средства. Доходы росли вместе с ростом цен на сырье, прежде всего углеводородное, но расходы росли быстрее. В результате даже малый и средний бизнес начал испытывать все более сильную нагрузку. И дело здесь не в какой-то особой «злобности» центральной власти, а совсем в ином обстоятельстве.

Среди причин, по которым наступление на «региональных баронов» практически не встретило сопротивления, немалое значение имела надежда на то, что идущие из центра финансовые потоки можно будет перенаправить на местные нужды, в том числе на приобретение лояльности, поддержку «своих людей», решение текущих проблем и т.д. В 1990-е годы, а также в начале «нулевых» так, собственно говоря, и происходило. Но в новых условиях подобный финансовый маневр мог стоять губернатору кресла, поскольку осмыслялся уже в контексте коррупции, как должностное преступление. А средства нужны. Взять их можно было только на месте, да и то не у всех, так как многие уже «легли под Москву», а значит, вышли из-под власти губернатора. Отсюда — усиление давления на оставшийся бизнес. При этом отдача от него была намного меньше, чем в эпоху «региональных баронов». Ведь применить силовой ресурс можно было далеко не всегда, а спектр ответных услуг власти сузился. Впрочем, один важный инструмент в руках региональной власти все-таки остался — бюджетное финансирование. Именно его распределение и позволило региональным властям сохранить хоть какое-то влияние на вверенной им территории. Неформальность при этом никуда не делась, она просто сменила форму в зависимости от типа и масштаба хозяйствования. Следует уточнить, что речь в данном случае идет о той неформальности, которая так или иначе выстраивает отношения с государством и бюджетом, в той или иной степени платит налоги, — просто ее реальные хозяйственные и социальные практики оказываются несколько сложнее, чем отражено в бухгалтерской отчетности. Что касается классической неформальности, старательно дистанцирующейся от государства, то она сохраняла относительно стабильные формы. Однако в эпоху процветания начала XXI в. сфера ее распространения, особенно в больших городах, безусловно, сократилась.

**Новая
неформальность
при новой
«кормовой базе»**

²⁸ *Подробнее см.
Плюснин 2014.*

Неформальные отношения, уничтожение которых власть в России объявила своим приоритетом («борьба с коррупцией»), не исчезли, но растворились в «прорехах» сложной и все более ужесточающейся системы государственного контроля. Поскольку само хозяйство было многоукладным²⁸, многослойной оказывалась и неформальность. Для каждой разновидности хозяйства формировался собственный вариант неформальности, качественно отличавшийся от неформальности в иных укладах.

Часть хозяйства страны (наиболее значимая) была ориентирована на глобальную экономику. Это ведущие государственные монополисты в области производства и экспорта углеводородного сырья, металлов, энергии, оружия и т.д., финансовые операторы, активно работавшие на мировых рынках, крупнейшие торговые сети. Понятно, что для этих структур высокая степень легальности являлась жизненной необходимостью. Вместе с тем подобные структуры выступали не только основным источником наполнения бюджета и многочисленных фондов, созданных в тот период, но и активными проводниками всех начинаний власти, спонсорами всех крупных проектов — от спортивных соревнований до саммита АТЭС, — организаторами политических шоу, форумов и школ. Это (и многое другое) требовало средств. Именно поэтому завышенные сметы воспринимались как норма. Убытки покрывались дотациями из бюджета, предоставлением льгот и т.д. Поскольку же завышение смет стало нормой, в них можно было включить и особые условия труда для своих работников, и собственный интерес. Существовало, что именно данные структуры приобретали услуги у государства. Остальным об этом оставалось только мечтать.

По сути, «губернаторские картели» сменились «президентским», выстраивающим отношения по тем же лекалам, но уже вполне легально (хотя и не вполне легитимно). Правовые новации конца 1990-х — начала 2000-х годов вполне позволяли жить по закону. Однако воспользоваться этой возможностью могли далеко не все. Для многих функция закона как «высшей планки риска» и формы давления²⁹ по-прежнему доминировала. Только те, кто выполнял условия неформального договора (помимо закона), демонстрировал свою лояльность и т.д., получали право жить по закону. При этом сама по себе демонстрация лояльности отнюдь не гарантировала доступа к нему. Уникальность ситуации «нулевых» годов состояла как раз в том, что именно государство решало, чья лояльность заслуживает вознаграждения, а чья — нет. Оставшимся за бортом не доставалось вообще ничего, потому лояльность демонстрировали все. Это была плата за легальный статус. Приоритетом же пользовались «свои», те, кто не только мог предоставить государству наибольшие ресурсы, но и обладал некими дополнительными (личными) связями с представителями власти.

Неформальные отношения сохранились и в наиболее формализованной и прозрачной части бизнеса. Пожалуй, в данном случае термин «коррупция» мог бы быть использован (и использовался — Алексеем

²⁹ *См. Панеях 2014.*

Навальным и многими другими), если бы не одно «но». Коррупция предполагает нечто, противостоящее системе. Здесь же эта неформальность составляла нерв системы, достаточно простой и эффективной. Сформировалось поле, дававшее властной группе обильную «пищу», которую легко получать. Это поле поддерживалось в меру сил и разума. Для него действовал закон, его охраняло государство, ему предоставлялись преференции. Были созданы сложные контрольные механизмы, препятствующие «воровству», то есть получению доли в добыче кем-то кроме высшего хищника. Собственно, именно последнее (стороннее изъятие) государство и называло коррупцией. Наличие такого простого в изъятии и обильного источника «пищи» позволяло центральной власти (властной сети) инкорпорировать в состав господствующего слоя наиболее активную и влиятельную часть недовольных, оплачивать лояльность и аполитичность основной массы населения, наращивать аппарат контроля и изъятия. На этом и строился «путинский консенсус»³⁰.

³⁰ *Иноземцев 2015.*

Но концентрация всей «кормовой базы» в руках нескольких игроков (создание крупных и сверхкрупных вертикально консолидированных компаний) породило ряд серьезных проблем, следствием которых стало резкое уменьшение как доступности «пищи», так и ее объема (точнее, существенный рост числа хищников, среди которых эта «пища» должна была распределяться). Первая проблема связана с размером организации, удаленностью объектов управления. В 1990-е годы относительно небольшие размеры бизнеса и наличие достаточно четких правил игры, устанавливаемых силовым оператором, делали жесткость (и громоздкость) контроля излишней. Руководитель, как правило, лично знал свою команду, состоял с ней в одной сети — и в силу этого доверял ей. Строго говоря, именно высокий уровень доверия и позволял осуществлять значительную долю операций за пределами права, а значит, возможного изъятия. В новом столетии ситуация меняется.

Предприятия стали гигантскими, включив в себя огромное множество разнородных элементов, разнесенных по территории страны. При этом руководители таких предприятий и по ментальности, и по функциями были в гораздо большей степени чиновниками, чем предпринимателями. Ведь и «поставили» их туда для того, чтобы блюсти государственные интересы. Соответственно, между ними и руководимой ими бизнес-структурой не формировалось институциональное доверие (разные институциональные принципы деятельности). Межличностное же доверие не складывалось просто в силу размера предприятия. Даже если «на территорию» спускали «своего» руководителя, он почти всегда оказывался не менеджером, а контролером.

В ситуации, когда отсутствует доверие, неизбежно усиливается контроль. Штат контролеров, как это в принципе свойственно любой бюрократической структуре, начал заполнять собой все возможное пространство — тем более что его рост провоцировался и извне. Государство тоже желало контролировать свою «кормовую базу». Собственно,

для этого-то и ставились во главе предприятий-кормильцев особо доверенные люди. Однако даже таких людей нужно было контролировать (потому что «коррупция»!). Но контроль — это не только проверки, число которых растет (как и число проверяющих). Это еще и постоянно увеличивающийся объем контролируемых документов (запросов, форм отчетности и т.д.), а значит, и умножение числа работников, основной формой деятельности которых становятся «ответы на запросы государственных органов». Более того, раз возникнув, бюрократическая структура, пробравшаяся внутрь предприятия, начинает плодить подобные себе структуры, разрастаться³¹.

³¹ *Описание этого процесса применительно к сфере высшего образования см. Бляхер 2013.*

Тем самым возрастают и издержки предприятия. Ведь содержание все более громоздкой бюрократической машины как вне, так и внутри предприятия происходит за его же собственный счет. Внешний контроль, накладываемый на контроль внутренний, делает число контролеров очень значительным. Не менее значительными оказываются и затраты на их содержание. При этом затраты на лояльность отнюдь не уменьшаются.

Между тем в эпоху путинского prosperity именно такие общероссийские предприятия-гиганты выглядели наиболее успешными. Именно работа с ними государственных органов воспринималась как идеал и образец. По их модели выстраивали свою структуру и другие организации³², конкурировавшие за возможность жить по закону. Поскольку же жить по закону, то есть использовать право в своих интересах, хотели все легальные структуры, по той же модели строились и взаимодействия этих более мелких предприятий с государством. Они тоже несли на себе посильные (а порой и непосильные) издержки легальности, оплачивали социальные инициативы региональной или федеральной власти, поддерживали правильных кандидатов и СМИ и т.д. Но были и отличия. Если «кормильцы» наполняли бюджет, то для прочих бюджет был источником процветания, точнее, не сам бюджет, а государственные заказы. Доступ к государственным заказам, к субподрядам и тому подобным финансовым ручейкам и выступал в качестве компенсации издержек легальности. Тем более что в случае каких-либо сбоев в реализации госзаказов власти обычно «проявляли понимание», особенно в первом десятилетии нашего столетия.

³² *Об истоках данного феномена см. DiMaggio, Powell 1983.*

В принципе этот хозяйственный слой занимал промежуточное положение между «пищей» и не интересным для высшего хищника населением. Именно поэтому там позволялось резвиться более мелким хищникам: региональной и муниципальной власти, силовым структурам и т.д. Но и здесь все было не очень просто. Законы писались с ориентацией на бизнес, составлявший основную «кормовую базу», но подпадали под них все хозяйствующие субъекты, постепенно утрачивавшие свою субъектность. В результате в деятельности бизнеса регионального и муниципального уровня возникали самые разнообразные «отклонения» — отчасти в стилистике 1990-х годов (уход в «тень»), отчасти связанные с понятным стремлением хоть как-то минимизировать издержки.

В 2000-е годы подобные маневры «правильных» предпринимателей власти старались не замечать. Однако ужесточение принципов организации госзакупок, усложнение системы отношений с контролерами и силовиками продолжалось. Ведь в новых условиях даже наличие «понимания» со стороны одного из участников взаимодействия, например региональной власти, отнюдь не гарантировало «понимания» со стороны контролеров или силовых структур. Отсутствие «региональных баронов» нарушило, а подчас и свело на нет координацию между контрагентами. Случайными (или не совсем случайными) жертвами силовиков или механизмов госконтракта становились и вполне лояльные организации.

В этой ситуации многие предприятия, особенно на периферии, оказались вынуждены параллельно сохранять или возрождать теневые практики 1990-х годов. Неформальность начала усложнялась. Вполне легальные предприятия в большей или меньшей степени отклонялись от жесткого следования формальным нормам. Без этого они просто утрачивали рентабельность. Ведь им теперь приходилось нести издержки не только неформальных договоров с властью, но и государственного контроля.

В начале текущего столетия размеры издержек легальности (термин Эллы Панеях) были не слишком велики и компенсировались возможностями, которые та предоставляла, однако уже к концу «нулевых» годов ситуация изменилась. Издержки возрастали, все больше опережая те блага, которые нес с собой доступ к бюджету или мировым рынкам. И если у крупнейших предприятий, по сути, не осталось ресурсов для маневра, кроме бюджетных дотаций, то для малого бизнеса все более сильным соблазном становился уход в «тень». А нередко и не соблазном, но единственной возможностью. Как показывают интервью с предпринимателями, в случае малого и очень малого бизнеса «выход в кэш» не давал средств, позволявших сколько-нибудь долго сохранять стандарты потребления, тем более эмигрировать. Издержки же легальности все чаще делали этот бизнес убыточным. Не мог поменять он и место прописки, поскольку был полностью укоренен в локальном сообществе. Поэтому и начинается движение в сторону «тени», которое отмечается почти во всех интервью после 2010 г. Движение это принимает самые разнообразные формы. Общим здесь выступает только стремление уйти от всевидящего ока государства, сократить издержки легальности. Попробую обрисовать основные направления этого движения, опираясь на материалы 26 интервью, собранных в 2011—2015 гг.

Очевидное направление — уменьшение и локализация бизнеса. Предприниматели стремительно освобождаются от активов, не дающих быстрой отдачи. Если в середине 2000-х годов горизонт планирования составлял несколько лет, то сейчас он ужался до 2—3 месяцев. Установка на ускорение оборота — реакция на нестабильность экономической ситуации.

«Какие годы? Я не знаю, что будет через пару месяцев. Даже предположить не могу. Сейчас операцию повернуть, и слава богу» (мужчина, 54 года).

Под новые задачи сокращаются штаты. От всех «излишеств» избавляются. Бизнес-сеть локализуется. Представители малого бизнеса начинают работать преимущественно с лично знакомыми людьми (родственниками, друзьями). Это накладывает довольно жесткие ограничения на размеры бизнеса, но зато обеспечивает большую безопасность.

«Сейчас время полного беспредела. Никто ничего не может тебе гарантировать. Договорись с одними, наедут другие. Намного хуже, чем в 90-е. Там хоть было понятно, с кем договариваться. Сегодня никто не понимает. Поэтому бизнес можно вести только со своими, с проверенными людьми. Иначе рано или поздно выкинут на помойку. Хорошо, если не в тюрьму» (мужчина, 57 лет).

Предпочтение отдается формам активности, предполагающим «живые деньги», а не «оплату по банку». В интервью упоминались кафе, доставка продуктов, досуговые центры и зоны отдыха, химчистки, кейтеринг и т.д. Причина проста. Эти виды деятельности труднее отслеживаются и почти не поддаются внешнему контролю.

«Тут какая фишка выходит. Скажем, у меня одна тележка с пирожками значит. У нее все нормально. Все оформлено. А сколько их по городу с ее документами стоит, знаю только я. Так и выживаем» (мужчина, 29 лет).

Нередко эта тактика позволят обойти те или иные официальные запреты, особенно связанные с ограничением продажи алкоголя.

«Ну мы же не продаем алкоголь ночью. Зачем же закон нарушать? Мы его дарим. На это пока ограничений не налагается. Да, продукты у нас дорогие. Зато алкоголь в подарок. Ты понял» (мужчина, 27 лет).

Схема, когда вокруг небольшого легального предприятия выстраивается достаточно сложная неформальная деятельность, становится все более распространенной. Активность здесь самая разнообразная.

Так, предприятие, занимающееся кейтерингом, не имеет собственной кухни, а сотрудничает с женщинами, готовящими то или иное блюдо. Практически все, что предлагается клиентам (кондитерские изделия, закуски, горячие блюда), изготавливается десятками не оформленных официально работниц. Такая работа «под заказ» выгодна как одной, так и другой стороне. Для работниц (как правило, это не домохозяйки, а представительницы низкооплачиваемых профессий — от библиотекаря до доцента вуза) — это возможность повысить свой достаток. Для предприятия — существенное снижение издержек производства. И не только. Отсутствие легального найма и теневое производство уменьшают налогооблагаемую базу, тем самым повышая доходность бизнеса.

Аналогичным образом функционирует предприятие, изготавливающее мебель на заказ. На официальном уровне там присутствуют лишь небольшая сборочная мастерская и торговая точка. Все остальные элементы производства отданы на откуп отдельным «умельцам».

Порой отношения между работниками и легальной структурой выстроены сложнее. Так, в интервью упоминался предприниматель,

содержащий (естественно, без какого-либо юридического оформления) в одном из отдаленных уголков Хабаровского края ферму, продукция которой поставляется в шашлычные, расположенные в пригородах Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, автолавки и т.д. Упоминались индивидуалы, работающие на нескольких заказчиков. Еще более распространены совсем мелкие производства, направленные на жизнеобеспечение: содержание на дачных участках кур, овец или свиней «для себя» и возможной продажи знакомым, ремонт автомобилей, частный извоз и множество аналогичных форм активности. Их описанию можно посвящать отдельную статью или даже книгу.

Но принципиально важно иное. Все они находятся вне пределов легального государственного контроля. Вместе с тем их владельцы не преступники; они не столько идут против закона, сколько протискиваются между его положениями. До самого недавнего времени подобного рода бизнес не вызывал интереса ни у высшего хищника, ни у примкнувших к нему хищников помельче. Доходы здесь совсем небольшие. Чаще речь идет о возможности выживания, поддержания хоть скольконибудь пристойного уровня потребления. Контролировать же его достаточно сложно. Он представляет собой не «пищу», а скорее элемент ландшафта. Кроме того, его наличие облегчает покупку лояльности населения. Ведь значительная часть граждан обеспечивает себя сама.

Сегодня ситуация снова начинает стремительно меняться. Тот самый кормящий бизнес, медленно терявший доходность в начале 2010-х годов, в условиях падения цен на сырье и санкционной войны превращается просто в убыточный. Точнее, его доходы уже не позволяют содержать такую огромную армию «нахлебников». Число последних ощутимо сокращается. Пока это происходит главным образом за счет региональных властей, все больше переходящих на подножный корм, и всевозможных социально значимых служб (вузов, школ, больниц, поликлиник). Средств на покупку лояльности становится все меньше. Потому столь значимой и оказывается пропаганда, посредством которой власть пытается (и безуспешно) обеспечить «бесплатную» лояльность нейтральной массы. Определенные нерадостные сигналы подаются даже в адрес силовых структур, еще недавно бывших одним из основных бенефициариев московских митингов 2011—2012 гг. Прекращается рост зарплат, урезаются штаты. Словом, уменьшение доходов ведет к уменьшению числа питающихся от власти.

Однако это не решает проблемы сужения самой «кормовой базы». И поскольку потребность в поиске новых источников «пищи» ощущается все острее, государство все чаще обращает свой взор на нейтральную (ранее безразличную ему) часть населения. В условиях заметного сокращения привычного рациона малый и средний бизнес тоже становится интересным. Конечно, туша бизона калорийнее, но в трудные времена и мелкие грызуны — вполне приличная закуска. Особенно интересен малый бизнес властям регионального уровня, которые, лишившись привычных ресурсов в виде щедрых трансфертов из федерального бюджета,

по-прежнему несут ответственность за исполнение «майских указов» и многое другое. Это, собственно, и вызывает стремительное движение в «тьму», туда, где уже живут сотни и тысячи «умельцев». Попытки вытащить их «на свет» успеха пока не приносят. Ни введение патентов для самозанятых, ни периодически звучащие предложения о контроле над расходами и преследовании за превышение таковых над официальными доходами не пугают «умельцев», да и бизнесменов, решивших отказаться от легального статуса или, во всяком случае, усложнить свои отношения с государством.

Причина наметившейся тенденции вполне понятна. Причем таких причин несколько. Во-первых, сложившийся тип изъятия уже не предполагает каких-либо возвратных услуг. Безопасность, обеспечение транзакций, дешевые кредиты постепенно уходят в область преданий. Инструменты изъятия и силового принуждения все больше превращаются в автономные образования, дрейфующие по несогласованным траекториям. Уже и гарантии первых лиц сегодня не в состоянии обеспечить полную защиту от бесчисленных силовых и контролирующих инстанций, даже низовых. По сути, государство утрачивает свою роль в производстве порядка. Теневой бизнес обладает гораздо более эффективным механизмом обслуживания, связанным с доверием. Сети доверия создавались годами соседства, дружбы, совместной деятельности. Обман здесь чреват разрывом сети и потерей клиентов (или поставщиков). Удаленные транзакции, действующие по тому же принципу, позволяют осуществлять интернет. Иными словами, современный теневой бизнес в массе своей не просто дистанцируется от услуг, предлагаемых государством, но не нуждается в них. Столь же малозначительными являются и соображения, связанные с будущей пенсией. Нестабильность ситуации исключает возможность прогнозирования на годы и десятилетия вперед. Соответственно, утрачивает значение и все, что находится за пределами горизонта планирования.

Таким образом, единственным аргументом в пользу легализации для современных теневиков остается угроза преследования. Но эта угроза фатальна прежде всего для крупного и крупнейшего бизнеса, чьи активы связаны с землей и ее недрами, с «видимыми» торговыми центрами, офисами и гигантскими трансграничными транзакциями, заводами и путепроводами. Чем меньше бизнес связан с активами, которые нельзя спрятать, тем менее значима для него угроза со стороны государства. И уж совсем нестрашной она оказывается для «умельцев», добывающих в гаражах, на дачах или в съемных квартирах средства к существованию.

Инструменты принуждения и изъятия создавались именно под «кормильцев», то есть крупный и сверхкрупный бизнес, кровно заинтересованный в легальном статусе. Здесь и возникает «во-вторых». Особенность оптики «государева ока» такова, что теневой бизнес ему просто не виден. Это не значит, что тот или иной «умелец» или «отходник»³³ не может попасться тому или иному контролеру или силовику. Эту возможность не исключил ни один из респондентов. Но точно так же они

³³ О современном «отходничестве» см. Плюснин, Позаненко, Жидкевич 2015.

могут попасться, не совершив никаких противоправных действий, — и прекрасно отдают себе в этом отчет. А раз так, легализация, полный или даже частичный выход из «тени» представляются им бессмысленными.

Пока «кормильцы» еще приносят какие-то доходы, позволяющие содержать контролирующий и силовой аппарат государства, пользоваться привычными механизмами изъятия. Пока давление остается чуть ли не единственной формой взаимодействия государства и бизнеса. Пока теневой бизнес — это очень маленький бизнес, не нуждающийся в сложных формах принуждения к исполнению правил. Но ситуация меняется. Привычная «кормовая база» кормит все хуже. В «тени» же появляются все более серьезные субъекты, формируется та самая деловая среда, которая спасла страну в период развала СССР. Изменение «кормовой базы» неизбежно изменит и поведение высшего хищника. Не сразу. Адаптация — не одномоментный акт. Инфорсеры завершающейся эпохи будут сражаться за существование. Однако, как в случае с гигантами далекого прошлого, их размеры и структура челюстей просто не позволят им прокормить себя. Элементарное желание питаться приведет к изменению и механизма изъятия, и самих его инструментов. Будут это те же люди, которые находятся в высоких кабинетах сегодня, или какие-то другие — не так важно. Важно, что они не от щедрот, но просто чтобы выжить, будут вынуждены стать партнерами, а не надсмотрщиками и для бизнеса, и для общества. И это будет совсем-совсем другая история.

Библиография

Астафьев Л.В. 1996. К вопросу о понятии коррупции // *Коррупция в России: Состояние и проблемы. Материалы научно-практической конференции.* — М.

Барсукова С.Ю. 2004. *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ.* — М.

Бессонова О.Э. 2006. *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации.* — М.

Блауг М. 1994. Путеводитель по «Капиталу» // Блауг М. *Экономическая мысль в ретроспективе.* — М.

Бляхер Л.Е. (ред.) 2000. *Изменение поведения экономически активного населения на примере мелких предпринимателей и самозанятых.* — М.

Бляхер Л.Е. 2004. Политические мифы Дальнего Востока России // *Полис.* № 5.

Бляхер Л.Е. 2010. Еще раз о «правовом нигилизме», или Об «обычном праве» на постсоветском Дальнем Востоке // *Полития.* № 3—4.

Бляхер Л.Е. 2012. Региональные бароны // *Отечественные записки.* № 3.

Бляхер Л.Е. 2014. *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток.* — М.

- Бляхер** Л.Е., Огурцова Т.Л. 2006. Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности // *Полис*. № 3.
- Бляхер** Л.Е., Пегин Н.А. 2012. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией // *Полития*. № 4.
- Бляхер** М.Л. 2013. Гиперрегулирование в системе высшего образования // *Отечественные записки*. № 4.
- Волков** В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: Экономика-социологический анализ*. — СПб.
- Гайдар** Е.Т. (ред.) 2003. *Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1998—2002*. — М.
- Гоббс** Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. — М.
- Заславская** Т.И., Рывкина Р.В. 1991. *Социология экономической жизни: Очерки теории*. — Новосибирск.
- Иноземцев** В. 2015. *Секрет путинского консенсуса* (<http://snob.ru/selected/entry/87745>).
- Кордонский** С.Г., Плюснин Ю.М. и др. 2011. Российская провинция и ее обитатели (Опыт наблюдения и попытка описания) // *Мир России: Социология, этнология*. Т. 20. № 1.
- Маркс** К. 1960. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 23. — М.
- Ожиганов** Э.Н. 1999. Понятие и структура коррупции // *Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. № 1: Социальные права российских граждан и их реализация*. — М.
- Олсон** М. 2006. Диктатура, демократия и развитие // *Теория и практика демократии*. — М.
- Панеях** Э. 2008. *Правила игры для русского предпринимателя*. — М.
- Панеях** Э.Л. 2014. *Механизм формирования социального института: на примере экономического регулирования в постсоветской России*. Дисс. на соискание уч. степени кандидата социологических наук. — Хабаровск.
- Плюснин** Ю.М. 2014. Общинные и сословные элементы в социальной структуре современного общества // Покровский Н.Е. (ред.) *Социальная география, социобиология, и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России: Материалы V Международной научной конференции*. — М.
- Плюснин** Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. 2015. Отходничество как новый фактор общественной жизни // *Мир России: Социология, этнология*. Т. 24. № 1.
- Радаев** В.В. 2003. Таможня дает добро? Российский бизнес на пути к легализации // Олимпиева И., Паченков О. (ред.) *Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования*. — СПб.
- Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад**. 1998. — М. (<http://www.bezzakonie.msk.ru/miscell/corrupt8.htm>).

Рывкина Р.В. 2000. Теневизация российского общества: причины и последствия // *Социс*. № 12.

Шабалин В.А. 1994. Политика и преступность // *Государство и право*. № 4.

Шанин Т. (ред.) 1999. *Неформальная экономика: Россия и мир*. — М.

Шульман Е. 2013. Верховенство права: Волки и кормовая база // *Ведомости*. 8.11 (<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/08/volki-i-kormovaya-baza>).

Bliakher L. 2013. The Regional Barons // *Russian Politics and Law*. Vol. 51. № 4.

DiMaggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. Vol. 48. № 2.

References

Astaf'ev L.V. 1996. К вопросу о понятии коррупции // *Korruptcija v Rossii: Sostojanie i problemy. Materialy nauchno-praktičeskoi konferencii*. — М.

Barsukova S.Ju. 2004. *Neformal'naja ehkonomika: ehkonomiko-sociologičeskij analiz*. — М.

Bessonova O.Eh. 2006. *Razdatochnaja ehkonomika Rossii: Ehvolutcija cherez transformacii*. — М.

Blaug M. 1994. Putevoditel' po «Kapitalu» // *Blaug M. Ehkonomičeskaja mysl' v retrospektive*. — М.

Bliakher L. 2013. The Regional Barons // *Russian Politics and Law*. Vol. 51. № 4.

Blyakher L.E. (ed.) 2000. *Izmenenie povedenija ehkonomičeski aktivnogo naselenija na primere melkikh predprinimatelej i samozanjatykh*. — М.

Blyakher L.E. 2004. Politicheskie mify Dal'nego Vostoka Rossii // *Polis*. № 5.

Blyakher L.E. 2010. Eshhe raz o «pravovom nigilizme», ili Ob «obychnom prave» na postsovetском Dal'nem Vostoke // *Politeia*. № 3—4.

Blyakher L.E. 2012. Regional'nye barony // *Otechestvennye zapiski*. № 3.

Blyakher L.E. 2014. *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni: Dal'nij Vostok*. — М.

Blyakher L.E., Ogurcova T.L. 2006. Priključenija legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumpcii vinovnosti // *Polis*. № 3.

Blyakher L.E., Pegin N.A. 2012. Korruptcija kak političeskaja problema: kto, kak i zacheм srazhaetsja s korruptcijej // *Politeia*. № 4.

Blyakher M.L. 2013. Giperregulirovanie v sisteme vysshego obrazovanija // *Otechestvennye zapiski*. № 4.

DiMaggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. Vol. 48. № 2.

- Gajdar E.T.** (ed.) 2003. *Ehkonomika perekhodnogo perioda: Oчерki ehkonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii, 1998–2002.* — M.
- Hobbes T.** 1991. Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Hobbes T. *Sochinenija*: V 2 t. T. 2. — M.
- Inozemcev V.** 2015. *Sekret putinskogo konsensusa* (<http://snob.ru/selected/entry/87745>).
- Kordonsky S.G., Plusnin Ju.M. i dr.** 2011. Rossijskaja provincija i ee obitateli (Opyt nabljudenija i popytka opisanija) // *Mir Rossii: Sociologija, ehnologija*. T. 20. № 1.
- Marx K.** 1960. Kapital // Marx K., Engels F. *Sochinenija*. T. 23. — M.
- Olson M.** 2006. Diktatura, demokratija i razvitie // *Teorija i praktika demokratii.* — M.
- Ozhiganov Eh.N.** 1999. Ponjatje i struktura korrupcii // *Sociologija vlasti: Informacionno-analiticheskij bjulleten'. № 1: Social'nye prava rossijskikh grazhdan i ikh realizacija.* — M.
- Paneyakh E.** 2008. *Pravila igry dlja russkogo predprinimatelja.* — M.
- Paneyakh E.** 2014. *Mekhanizm formirovanija social'nogo instituta: na primere ehkonomicheskogo regulirovanija v postsovetskoj Rossii.* Diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. — Khabarovsk.
- Plusnin Ju.M.** 2014. Obshhinnye i soslovnye ehlementy v social'noj strukture sovremennogo obshhestva // Pokrovsky N.E. (ed.) *Social'naja geografija, sociobiologija, i social'nye nauki: modelirovanie i prognostika processov razvitija regionov Blizhnego Severa Rossii: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* — M.
- Plusnin Ju.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N.** 2015. Otkhodnichestvo kak novyj faktor obshhestvennoj zhizni // *Mir Rossii: Sociologija, ehnologija*. T. 24. № 1.
- Radaev V.V.** 2003. Tamozhnja daet dobro? Rossijskij biznes na puti k legalizacii // Olimpijeva I., Pachenkov O. (eds.) *Neformal'naja ehkonomika v postsovetskom prostranstve: Problemy issledovanija i regulirovanija.* — SPb.
- Rossija i korrupcija: kto kogo? Analiticheskij doklad.** 1998. — M. (<http://www.bezzakonie.msk.ru/miscell/corrupt8.htm>).
- Ryvkina R.V.** 2000. Tenevizacija rossijskogo obshhestva: prichiny i posledstvija // *Socis*. № 12.
- Shabalin V.A.** 1994. Politika i prestupnost' // *Gosudarstvo i pravo*. № 4.
- Shanin T.** (ed.) 1999. *Neformal'naja ehkonomika: Rossija i mir.* — M.
- Shul'man E.** 2013. Verkhovenstvo prava: Volki i kormovaja baza // *Vedomosti*. 8.11 (<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/08/volki-i-kormovaya-baza>).
- Volkov V.V.** 2012. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: Ehkonomiko-sociologicheskij analiz.* — SPb.
- Zaslavskaja T.I., Ryvkina R.V.** 1991. *Sociologija ehkonomicheskoy zhizni: Oчерki teorii.* — Novosibirsk.